

ANNA URIADOVA / АННА УРЯДОВА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0091-0293>

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ: СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ВОСПРИЯТИЯ

The historical imagology: subject and object of perception

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имагология, историческая имагология, образ, стереотип, миф, концепт «Чужой»

KEYWORDS: imagology, historical imagology, image, stereotype, myth, the concept “Alien”

ABSTRACT: The article discusses historical imagology one of the areas of imagology in general. It analyzes the sources, which are essential and most often used in such studies. The historiography of the issue is briefly considered. This article for the first time in the research literature on historical imagology and imagology in general pays special attention to the object and subject of historical imagological works. Several approaches to determining the object of research have been identified. The subject of imagological research is examined in detail. The issue of factors affecting perception is raised. Attention is paid to the problem of image variability and stereotepization.

1. Введение

Имагология – междисциплинарное направление, возникшее на стыке литературоведения, языкознания, социологии, этнологии, социальной, исторической психологии, истории, культурологии и некоторых других гуманитарных дисциплин. В связи с междисциплинарностью, а также в связи с разнообразием объектов и субъектов исследования, подходами к постановке проблемы появилась ее «специализация», в том числе выделилась историческая имагология. Мы не ставим своей целью дать определение данного научного направления, однако полагаем, что изучение объекта и субъекта имагологии позволит скорректировать, уточнить и конкретизировать уже имеющиеся на сегодняшний день определения.

Основой для изучения образа в исторической имагологии являются источники. Чаще всего это газеты и журналы, в связи с их массовостью и репрезентативностью (если представлен весь срез как в политическом, так и в региональном аспекте) (см. Радун 2011; Данилова 2014; Sacewicz 2014).

Для изучения новейшей истории используются также радио, телевидение и интернет-ресурсы. СМИ, как никакой другой источник, направлен на создание общественного мнения, может способствовать формированию стереотипов и созданию мифов. Могут использоваться также источники личного происхождения (мемуары, дневники, переписка, художественная литература, живопись, фотография и др.). В последнее время особое внимание в имагологии уделяется «визуальным образам» (открытки, плакаты, карикатуры, кино и т.д.) (см. де Лазари 2008; Kenez 2008; Миронова 2018; Белов 2018 и др.). Для реконструкции объекта группового восприятия могут использоваться любые другие массовые источники (например, социологические опросы прошлых лет, анкеты и пр.), в том числе научная, учебная и методическая литература определенного времени (см. Przybysz 2011; Урядова 2017). Историческая имагология предоставляет возможность изучить эти источники под другим углом и переосмыслить их с учетом выявления данных, фактов, событий, таргет-групп и т.д., связанных с формированием образов.

2. Объект имагологии

В основе всех имагологических исследований лежит изучение образа. Но ученые по-разному понимают и этот термин (*образ*). Сегодня вышло уже несколько статей, изучающих саму историческую имагологию, авторы которых очень по-разному определяют объект имагологических исследований.

Можно выделить несколько основных точек зрения. Сторонники первой в качестве объекта имагологического исследования называют – «Иного», «Другого» (страны, народы, культуры). В этой связи можно говорить о появлении бинарного концепта «Мы-Они»: свое, родное служит отправной точкой в восприятии и оценке другого. Основополагающей для исследователей, трактующих объект имагологии как «Другой», является проблема «альтеритарности» (от лат. *alter* – другой).

А. С. и Е. С. Сенявские пишут что имагология изучает образы, картины чужого мира (Сенявский 2006, 59). И здесь мы видим вторую точку зрения, происходит переход от «Другого» к «Чужому» и более жесткой дихотомии «Свой – Чужой». То есть от отстройки – «Другой» переход к оппозиции – «Чужой», подразумевающий не просто инаковость объекта, а определенный негативный окрас. Е. В. Папилова (2011, 31) считает бинарный концепт «Свой-Чужие» основополагающим для имагологии. По мнению М. Бойцова (2010, 6), в последнее время в исторической имагологии произошел переход от описания отдельных образов «чужих» к рассмотрению каждого подходящего случая через призму общей проблемы «образа Чужого», что привело даже к выделению особого направления – аллогии.

Здесь хотелось бы сделать одно замечание: как уже было указано, чаще всего «Чужим» и «Другим» в имагологических исследованиях выступают иные народы, страны, культуры, однако в обществе, где есть гендерное, социальное, материальное расслоение или даже раскол, «Чужим/Другим» может выступать «свой», «почти свой», «бывший свой», но с определенным признаком инаковости. «Образ крестьянина в воспоминаниях, дневниках и переписке помещиков...», «Враги народа на страницах советской прессы в 1930-е годы», «Советская женщина глазами советского мужчины» – чем не темы для возможных имагологических исследований?

В рамках первого и второго подходов к объекту имагологии, можно выделить еще одну подгруппу, в которой поле изучения сужается до стереотипов и мифов, в чем сказывается влияние компаративистики, как, например, в работах М. Зеленки. При таком подходе «образы приобретают по большей части характер стереотипов, мифов, предрассудков и клише» (Zelenka 2010, 78). В. П. Трыков (2015, 122) указывает, что произведение берется имагологами не как самостоятельный эстетический феномен, а лишь как источник «имиджей», стереотипизированных, устойчивых и упрощенных образов».

О. С. Поршнева так же пишет, что имагология изучает не просто образ другого, а «межгрупповые (социальные) стереотипы, географические образы, этнические стереотипы (этностереотипы, т.е. образы этнических групп), внешнеполитические, инокультурные стереотипы и образы». Правда далее, она отмечает, что на основе стереотипов возникают образы, отличающиеся от последних полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональностью и возникающие в индивидуальном порядке», которые «не передаются готовыми, как стереотипы» (Поршнева 2014, 128).

Третью точку зрения на объект имагологии, пока не получившую достаточного распространения, условно можно назвать «Я-концепт». С одной стороны, это именно собственные оценки, «автоимидж», самовосприятие, самоидентификация. С другой, это понимание себя, через восприятие другим. Такой подход к объекту имагологии способствует конструированию социокультурной и национальной идентичности (см. Топоров 1990).

В четвертом подходе объектом предстает неодушевленный объект или исторический процесс, явление, событие, например, «польская деревня», «русский балет», «голод», «война», «Перестройка» и т.д. (см. Урядова 2011). Исторические исследования на такие темы иногда смыкаются с искусствоведческими, культурологическими, этнологическими и этнографическими исследованиями (см. Карпун 2018), однако почему-то до сих пор в поле зрения исследователей исторической имагологии они не попали.

Эти подходы не являются взаимоисключающими. Так, например, изучая отношение чехов к СССР в 1960-е гг., можно использовать все четыре подхода к объекту имагологии: «Мы – Они» до 1968; «Свои – Чужие» после

этих событий, причем как в рамках советско-чешской внешней политики, так и в рамках самовосприятия («внутренние враги»); событие, которое может изучаться как ключевое в трансформации образа СССР в представлении чехов – Пражская весна и участие СССР в ее подавлении. В данном случае она, с одной стороны – знаковый сюжет (событие), фактор, повлиявший на изменение рецепции, но с другой – отдельный объект для имагологического исследования.

Таким образом, объектом исследования исторической имагологии, на наш взгляд, является сложившийся на определенном историческом этапе образ во всем многообразии его понимания (народа, страны, группы людей, конкретной личности, организации, исторического процесса и явления и т.д.), который имеет некую значимость для исторической науки. Это сложная, синтетическая категория, представляющая собой динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональными компонентами. Соотношение и сочетание этих элементов зависит от степени рационализации/мифологизации сознания субъекта восприятия, его образованности, мировоззрения, личного опыта взаимодействия с другой культурой, влияния социального и культурного окружения (Поршнева 2014, 128). Имагологическое исследование может быть обращено вовне (взаимовосприятие) и внутрь (самовосприятие).

3. Особенность исторической имагологии

Особенностью именно исторической имагологии, является изучение образа во взаимосвязях и в историческом контексте. Что касается динамики и эволюции образа, то, на наш взгляд, здесь ситуация не совсем простая. С одной стороны, поскольку речь идет об исторической имагологии, то логично, что образы со временем претерпевают некие изменения, развиваются и трансформируются. А. Дима (1977, 148) указывал, что представления о стране, народе исторически подвижны, их изменяемость связана с разными социально-экономическими, политическими факторами. Этой точки зрения придерживается и О. Ю. Поляков, который пишет, что имагология анализирует образы в их исторической изменчивости (Поляков 2008, 9). С другой стороны, процесс эволюции здесь мало заметен, сильно влияние устойчивых стереотипов. Изменения в восприятии чаще связаны с некими событиями (как в примере с Пражской весной, приведенном ранее). В. Б. Земсков справедливо заметил:

Характер развития [...] носит отнюдь не характер эволюции (хотя, присутствует и эволюционный момент), а характер «наращивания», наслаения все новых

и новых характеристик, которые, не элиминируя старого, образуют дополнительные ряды. Старое никогда не исчезает, и всегда может возникнуть из глубин истории. [...] Картина мира другого/чужого тяготеет к малой подвижности, к инерции (Земсков 2006, 7).

Тем важнее для имагологов вычленять и выявлять те события и поворотные моменты, которые приводят к смене или коррекции образа. В этой связи, хотелось бы возразить Трыкову, который пишет о принципиальном аисторизме имагологов, как исследователей, работающих в постмодернистской парадигме, считая важнейшим постулатом имагологии нереперенциальность образа. Он указывает, что

имагологию не интересует вопрос о том, насколько создаваемый имидж соответствует референту, как снимается ею вопрос о социокультурной обусловленности имиджа. Акцент переносится на выявление источников образа,.. текст перекликается с текстом, образ с образом, но никак не соотносится с социокультурной реальностью и ею не обуславливаются (Трыков 2015, 123).

Думается, это в корне не верно, особенно для исторической имагологии. Во-первых, субъект восприятия принадлежит к определенному социуму и живет в конкретное историческое время, что накладывает отпечаток на его восприятие; во-вторых, имагологи стремятся не только воспроизвести образ, но и проанализировать причины, условия и контекст его возникновения, механизмы, инструменты, факторы, влияющие на формирования и развитие образа, на сам субъект восприятия, причины дифференцированности одних и тех же образов у разных субъектов рецепции. В этом плане мы согласны с Л. П. Репиной, которая охарактеризовала потенциал имагологии так:

Не порывая с историей идей, предметом традиционной интеллектуальной истории, она [имагология] занимает гораздо более обширное исследовательское пространство и не является направлением, опирающимся на какую-либо одну научную парадигму. В отличие от традиционной интеллектуальной истории, она выступает по сути как культурно-интеллектуальная, изучая не только содержание и формы, но и условия интеллектуальной деятельности, интеллектуальный климат эпохи, мыслительные комплексы в их социально-культурном контексте (Репина 2000, 8-9).

Обратимся теперь к наполнению самого образа. Исследователи выделяют в нем три группы элементов (с некоторыми вариациями): эмоционально-чувственные (чувственные образы, восприятия, переживания, эмоциональные реакции, аффекты, волевые импульсы, желания, эмоциональные комплексы, фобии, филии, мании), когнитивные (обобщенные представления, понятия,

нейтральные суждения, нормы, мнения, предписания), имагинативно-фантазийные (придуманые фантастические образы, верования, утопические идеи, иррациональные предписания, идеализации) (Левшин 2014, 14). На наш взгляд, эти составляющие связаны не столько с объектом, сколько с субъектом восприятия, которому как раз и присущи эмоции, чувства, переживания, влияющие на его восприятие и формирование образа.

4. Субъект исторической имагологии и факторы, влияющие на него

Второй составляющей имагологического исследования является субъект восприятия. На важность субъекта для процесса формирования образа указывал Зеленка. Он писал, что образы отражают реальность не прямо и непосредственно, а являясь в большей степени выражением властных интересов и интеллектуального дискурса разных этнических и социальных групп (Зеленка 2010). На наш взгляд, субъектами восприятия могут быть не только названные им группы, но и любые другие группы и социальные институты (например, партия, государство, церковь и т.д.), отдельные личности.

Что же влияет на рецепцию? Особое место факторам, влияющим на субъект восприятия, уделит Земсков (Земсков 2006, 7). Он писал, что к таковым относится все, что определяет бытие, быт и историю (природа, география, религия, культура и т.д.). Важную роль автор отводил топологическим факторам (близость, пограничность, дальность).

Помимо факторов, выделенных Земсковым, на наш взгляд, на субъекты восприятия влияют также социально-психологические процессы, культурно-историческая память и наследие, жизненный опыт и мировоззрение отдельных людей. Есть некий контекст и среда, в котором формируется образ. Причем, поскольку мы говорим об исторической имагологии, влияние на него оказывает не только настоящее, но и прошлое (например, не только современные англо-французские отношения, но и многовековая история взаимоотношений двух стран формируют их взаимовосприятие).

Конструирование определенного образа, а иногда и появление стереотипа или мифа может происходить в одностороннем порядке, то есть у одного народа (например, отношение поляков к русским, через призму российско-польских и советско-польских конфликтов) или обоюдно, во взаимовосприятии (например, у армян и азербайджанцев в связи с историей Нагорного Карабаха).

На формирование образа оказывает влияние и отдаленность события от времени его анализа. Принято считать, что первые впечатления наиболее яркие, непосредственные, детализированные, более эмоционально окрашенные, не подвергшиеся наслоениям и корректировке более поздних

периодов. И, напротив, по прошествии времени, плохие воспоминания могут сглаживаться. Так, например, далеко не все русские эмигранты принимали до революции политику Николая II, но чем больше времени проходило с момента эмиграции, тем больше образ России дореволюционной идеализировался и мифологизировался. Эта ситуация практически не сбавляется со стереотипами, закрепленными в исторической памяти народа.

Еще один момент, оказывающий влияние на наполненность и детализированность образа – взаимодействие субъекта и объекта восприятия. Чем оно более активно, тем насыщеннее, конкретнее, правдивее будет образ и наоборот. Так, например, в отсутствии информации (достоверных сведений) образ Запада в восприятии советских людей являл собой наслаивание реальности и преувеличений, домыслов, иногда доведенных до абсурда мифов, выстроенных СМИ. Для этих представлений характерно то, что Н. А. Ерофеев (1982, 237) называет элементом априорности: «Создав на основе каких-то частных наблюдений образ другого народа, мы затем уже «подгоняем» под него все остальные впечатления и наблюдения».

5. Заключение

Имагология позволяет решать целый ряд исследовательских задач: углубить понимание психологических механизмов и закономерностей взаимовосприятия народов, определить механизмы, тенденции, закономерности и пути формирования образов «Своих» и «Чужих» в конкретно-историческом контексте, установить роль различных факторов в формировании, конструировании и бытовании образов (Поршнева 2014, 128-129).

Историческая имагология позволяет реконструировать и изучить объект восприятия, но не только. Процессы рецепции и оценки характеризуют и воспринимающий субъект, поскольку отражают его самосознание и собственную систему ценностей (Папилова 2011, 31). Имагологические исследования позволяют также выявить дальнейшее влияние объектов (образов) на последующие исторические события. Имагология имеет и важное практическое значение, способствуя улучшению взаимопонимания между людьми.

Библиография

- Белов, С. И. (2018), Образ врага в советской политике памяти периода «Холодной войны» (на примере позиционирования США в кинематографе СССР). В: Научные горизонты. 10 (14), 38-52.
- Бойцов, М. А. (2010), Что такое потестарная имагология? В: Бойцов, М. А./Успенский, Ф. Б. (ред.), Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. Санкт-Петербург, 5-37.

- Данилова, Н. (2014), Польша и поляки глазами современной российской публицистики (по материалам журнала «Огонек»). В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. V/2, 133-148.
- Де Лазари, А./Рябов, О. В. (2008), Образы врага: поляки и русские в сатирической графике межвоенного периода (1918-1939 гг.). В: *Историк и художник*. 1-2, 68-82.
- Дима, А. (1977), Принципы сравнительного литературоведения. Москва.
- Ерофеев, Н. А. (1982), Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. Москва.
- Земсков, В. Б. (2006), Образ России “на переломе” времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация “другой” культуры). В: *Новые российские гуманитарные исследования*. 1, 7.
- Карпун, М. (2018), Образ мирового древа в традиционной культуре донского казачества. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. IX/2, 115-122.
- Левшин, А. С. (2014), Образ Англии как категория исторической имагологии. В: *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2 (58), 11-14.
- Миронова, Е. В. (2018), Образ Германии в русских пропагандистских открытках времен Первой мировой войны. В: *Историческая и социально-образовательная мысль*. 10 (3/2), 42-53.
- Папилова, Е. В. (2011), Имагология как гуманитарная дисциплина. В: *Вестник МГТУ им. Шолохова*. 4, 31-40.
- Поляков, О. Ю. (2008), Имагология в междисциплинарном научном пространстве. В: *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2/4, 8-10.
- Поршнева, О. С. (2014), Историческая имагология в современной российской историографии. В: *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв.* Екатеринбург, 126-129.
- Радун, А. М. (2011), Муравьев и М. Катков в оптике польской прессы 2-ой половины XIX в. (на основании корпуса архивных материалов второй газетной экспедиции МИД и «Пшеглонда польского»). В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. II, 109-119.
- Репина, Л. П. (2000) Интеллектуальная история сегодня. В: *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып 2. Москва, 5-11.
- Сенявский, А. С./Сенявская, Е. С. (2006), Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах Российской истории XX в.). В: *Вестник РУДН. Серия «История России»*. 2 (6), 54-72.
- Топоров, В. Н. (1990), Образ соседа в становлении этнического самосознания: русско-литовская перспектива. В: *Славяне и их соседи*. Вып. 2. Этно-психологический стереотип в средние века. Москва. 4-14.
- Трыков, В. П. (2015), Имагология и имагопоэтика. В: *Знание. Понимание. Умение*. 3, 120-129.
- Урядова, А. В. (2011), Сельское хозяйство и проблемы советской деревни в годы нэпа в оценке эмигрантов. В: *Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы Международной научной конференции*. Ч. 2. Иваново, 585-592.
- Урядова, А. В. (2017), Оценка российских учебников истории во франкоязычных публикациях. В: *Преподавание истории в школе*. 7, 50-55-69.
- KENEZ, P. (2008), The picture of the Enemy in Stalinist films. In: *Insiders and Outsiders in Russian Cinema*. Indianapolis.
- PRZYBYSZ, M. (2011), Wojna polsko-bolszewicka w nauczaniu historii w szkołach podstawowych i średnich w latach 1944-1989. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. II, 77-91.
- SACEWICZ, K. (2014), Sprawa tzw. Rosyjskiej delegacji Czerwonego Krzyża w świetle publikacji prasy komunistycznej w Polsce (1918-1919). W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. V/2, 45-59.
- ZELENKA, M. (2010), Interkulturní studia v kontextu soudobé literární historiografie: „komparování” jako způsob interpretace psaní literárních dějin. In: *World Literature Studies. Časopis pre výskum svetovej literatúry* 4. 2 (4), 74-83.